

Ф. ЛЕСУР

Труды Д. С. Лихачева во французском восприятии

Деятельность Д. С. Лихачева с давних пор пользуется известностью во Франции. Особый резонанс имели на Западе его общая культурная концепция, его переоценка развития русской культуры и ее взаимоотношений с Европой. Свидетельство тому — многочисленные отклики французских славистов на его труды и в еще большей степени — влияние последних на изучение русской культуры во Франции.

Интерес к деятельности Д. С. Лихачева возник очень рано: еще в 1936 г. в «*Revue des Etudes Slaves*» Андре Вайян и Борис Унбегаун обратили внимание на его первую публикацию «Черты первобытного примитивизма воровской речи».¹

После выхода известной книги Андре Мазона «*Le Slovo d'Igor*» (Париж, 1940), где оспаривалась подлинность этого памятника, объявленного им подделкой XVIII в. в духе Оссиана, вспыхнула научная полемика, породившая множество работ противников французского ученого. Среди них были Р. Якобсон и А. Грегуар (переводчик этого текста на французский язык),² а также целый ряд советских исследователей с Д. С. Лихачевым во главе.

В 1951 г. Мазон приветствует издание под редакцией Д. С. Лихачева того списка «Слова», который предназначен был для Екатерины II.³ Однако в том же году в связи с появлением сборника исследований и статей, посвященных «Слову» (М.; Л., 1950), Мазон, восхищаясь смелостью и оригинальностью новых гипотез, выдвинутых участниками книги, тем не менее тут же суммирует все свои предубеждения по поводу этого произведения: «...отсутствие рукописной традиции, сплетение языческих элементов с христианской традицией, беспрецедентное обилие обожествленных героев, черты оссианизма, отмеченные еще первыми читателями, но здесь решительно отвергнутые, явные следы воззрений, характерных для образованной среды XVIII века...».⁴

Впрочем, Мазон отдает справедливость огромной работе Д. С. Лихачева по изучению и пропаганде «Слова». В 1959 г. в рецензии на сборник «„Слово о полку Игореве“ в иллюстрациях и документах» (Л., 1958) он пишет: «Оригинала „Слова“ читатели здесь не найдут. Зато найдут они интересное введение Д. Лихачева, разные статьи о Руси домонгольского периода и об открытии памятника, вместе с самыми блестящими его перело-

¹ RES 1936 T 16 P 81, 101

² *La geste du prince Igor, epee russe du douzieme siecle / Texte etabli, traduit et commente sous la direction d'Henn Gregoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel, assistes de J A Ioffe* New York, 1948

³ RES 1951 T 28 P 188

⁴ *Ibid* P 189

жениями и адаптациями...». Но все это, по словам Мазона, некое «порождение романтических настроений». На самом деле «в очередной раз, вместо самого памятника, нам предлагают плоды воображения его восторженных читателей. И все же, пока время не развеет ложные представления и критическое отношение к памятнику не одержит верх, сборник этот по крайней мере будет самым типичным отражением мифа или, вернее, литературной легенды, более долговечной, чем поэмы Оссиана, хотя и не менее иллюзорной...»⁵

Все эти иронические наблюдения неизменно сочетаются у Мазона с самыми высокими оценками научной деятельности Д. С. Лихачева и вдохновенного им коллектива. Однако, иронизируя над множеством интерпретаций «Слова», Мазон приводит фразу Вольтера: «То, что объясняется столькими разными способами, не заслуживает вовсе никакого объяснения».⁶ Это — прежде всего свидетельство принадлежности Мазона к определенной интеллектуальной традиции, скептической, рационалистической, антиромантической, как это верно подметил А. Грегуар.⁷

Интересно, что слегка пренебрежительное отношение к «Слову» неотделимо у Мазона от общего пренебрежения к народному словесному творчеству, с которым он настойчиво связывает «Слово». В фольклоре он видел лишь «смесь разнородных элементов без особой оригинальности».⁸ Связывая научную позицию защитников «Слова» с интересом к народному творчеству, он иронизировал над «чудесами находчивости и веры, растраченными Д. С. Лихачевым ради эпохи, не слишком богатой памятниками...».⁹

Как ни странно, в его глазах принадлежность того или иного памятника к древним периодам или же к народному творчеству — явления как бы противоположные. «Слово» он называл «произведением якобы средневековым, а на самом деле прямо вышедшим из былин и сказок».¹⁰ А ведь в наши дни многочисленные исследования, не только Д. С. Лихачева, но и Р. Якобсона, П. Цумфора¹¹ и других, показали близость этих двух областей словесного творчества.

Наконец, можно констатировать принципиальный скептицизм Мазона по отношению ко всему культурному наследию Древней Руси. Характерно, что по поводу книги Д. С. Лихачева «Национальное самосознание Древней Руси...» он отмечает «горячее стремление» автора «осваивать *предполагаемые богатства культуры Киевской Руси...*» (Курсив мой. — Ф. Л.).¹²

После ухода Мазона эта рационалистическая традиция была продолжена Жозе Жоанне — видным французским славистом, посвятившим большую долю своей деятельности древнерусской литературе. В его рецензиях звучат те же ноты скептицизма — пожалуй, еще более решительного, чем у Мазона.

Но какие бы сомнения ни продолжало вызывать «Слово» у иных исследователей, общая точка зрения на него все же существенно изменилась, весь литературоведческий контекст стал другим, а эта новая обстановка и есть результат основополагающей деятельности Д. С. Лихачева и всей той школы русской медиевистики, которую он создал. Отношение к художе-

⁵ RES 1959 T 36 P 157

⁶ RES 1958 T 35 P 151

⁷ Gregoire H // Uspenskiĭ M I Quelques donnees historiques sur le Slovo d'Igor et Tmoutorokan Paris 1965 Appendice, 165

⁸ Gruel-Apert L La tradition orale russe Paris 1995 P 9

⁹ RES 1954 T 31 P 163

¹⁰ Mazon A Le Slovo d'Igor P 49

¹¹ Zumthor P Essai de poetique medievale Paris 1972 то же в сб. Langue Texte, Enigme Paris, 1975

¹² RES 1947 T 23 P 206

ственному наследию Древней Руси, к устной народной поэзии не идет ни в какое сравнение с тем, которое существовало и казалось вполне закономерным в эпоху Мазона.

Сама по себе полемика вокруг «Слова» характеризовалась богатым разнообразием научных подходов. Она одарила нас яркими страницами, которые и поныне увлекают и радуют своим остроумием, из какого бы лагеря они ни исходили и чьего бы мнения ни придерживался читатель.

Впрочем, еще в 1960 г. Мазон с восторгом отзывался о книге Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси»: «Превосходный труд Д. Лихачева представляет равную ценность как для литературоведов, так и для искусствоведов — так много новых перспектив открывает он для них всех». ¹³ Каждая глава, по мнению рецензента, содержит оригинальную точку зрения на русскую литературу с XI по XVII в. В рецензиях Ж. Жоанне, так же как и ранее у Мазона, звучит неизменно восхищение работой Д. С. Лихачева над литературным наследием Древней Руси.

Благодаря «Хронике» в «Revue des Etudes Slaves», можно проследить год за годом, как закладываются основы новой русской медиевистики. Особенно насыщены в этом отношении 1965, 1966 и 1968 гг. Среди открытий Д. С. Лихачева Ж. Жоанне особенно выделяет следующие: «литературный этикет», «древнерусский писатель как церемониймейстер», смерть Бориса и Глеба как «чин убийства...». ¹⁴ Все эти поразительные формулы помогают лучше определить «художественную природу древнерусской литературы». ¹⁵

«Сдержанный тон Д. С. Лихачева, — пишет Ж. Жоанне, — далеко уводит нас от слишком знакомого бахвальства. Его тонкий и глубокий анализ охватывает все главные аспекты древнерусской литературы: последовательность и стихийность художественного метода, проявление индивидуальности творца в рамках традиции, сосуществование разных литературных жанров и, наконец, пресловутый вопрос о древнерусском реализме, по поводу которого пролиты уже целые потоки чернил...». ¹⁶

Среди трудов Д. С. Лихачева внимание Ж. Жоанне особенно привлекают исследования по текстологии. В 1962 г. он приветствует появление книги «Текстология. На материале литературы XI—XVII веков». В ней проявляется «основательный опыт [автора] в области палеографии и эпиграфии, способность к конструктивной критике, знание людей того времени и данных сюжетов, наконец, определенное литературное чутье и просто-напросто здравый смысл...». ¹⁷

В 1964 г. появляется новый труд Д. С. Лихачева «Текстология. Краткий очерк», где сформулированные им принципы текстологии применяются к текстам новой литературы. В нем ставится под вопрос так называемая «последняя воля» автора и, напротив, придается особое значение творческой истории, художественной «цельности» и литературным достоинствам произведения — такой радикализм вызывает опасение рецензента, поскольку он мог бы теоретически оправдать произвольное обращение редактора с текстом. ¹⁸ Впоследствии станет ясно, что цель Д. С. Лихачева, напротив, — предотвратить возможные опасности, нависшие над текстами писателей в условиях советской цензуры (или автоцензуры). Текстология — первый этап на пути к «Экологии культуры».

¹³ RES 1960 T 37 P 201

¹⁴ RES 1966 T 45 P 238

¹⁵ Ibid

¹⁶ RES 1965 T 44 P 206

¹⁷ RES 1963 T 42 P 195

¹⁸ RES T 45 P 237

Ж. Жоанне шутя предлагает организовать «текстологическое состязание» наподобие «стихотворных состязаний» времен Елизаветы Петровны — поручить двум «командам» (Д. С. Лихачеву с одной стороны, Б. Бухштабу и Е. Прохорову — с другой) отредактировать одни и те же тексты, желательно с «коварной» творческой историей: например, «Демон», «Письмо Берлинского к Гоголю»... и, конечно, «Слово о полку Игореве».¹⁹

Последовательная «Хроника» «Revue des Etudes Slaves» прекращается в 1968 г. Одна из последних рецензий Ж. Жоанне в этом журнале отмечает появление «Поэтики древнерусской литературы», подчеркивая оригинальность раздела о «художественном времени».²⁰

До начала 70-х гг. о трудах Д. С. Лихачева писали прежде всего в специальных журналах, ссылаясь главным образом на выпущенные под его редакцией публикации древнерусских текстов, например, «Повесть временных лет» или «Переписку Ивана Грозного с Курбским».

Начиная же с 70-х гг. концепции Д. С. Лихачева оказывают все более заметное влияние на французских славистов: в статье Д. Гольфранка «Утопизм в России Ивана Грозного» представления о писательском даре Ивана Грозного, о социальной утопии, осуществляемой посредством политического террора, прямо связаны с исследованиями Д. С. Лихачева.²¹ Д. Шаховской, отчасти опираясь на изучение Д. С. Лихачевым духовного мира Древней Руси, а также на его определение характера Ивана Грозного, выявляет идеологические позиции ряда русских государственных деятелей XI—XVII вв.²²

Термин «трансплантация», означающий у Д. С. Лихачева перенесение византийской культуры на Русь через Болгарию, сейчас настолько вошел в научный обиход, что стал совершенно естественно употребляться в ином контексте: в «Истории русской литературы», издаваемой в настоящее время у Артема Файяра, автор статьи о Третьяковском²³ приводит выражение «культурная трансплантация», имея в виду перенесение «культуры французских салонов на русскую почву» в XVIII в. Но самый сильный отклик мысль о «культурной трансплантации» получает у Владимира Водова в его книге «Рождение русского христианства»: в главе о «письменной культуре»²⁴ он, широко используя этот термин, последовательно раскрывает панораму киевской культуры первых веков ее существования.

В 1972 г. в журнале «Poétique» Ц. Тодоров, один из ведущих французских литературоведов-семиотиков, поместил статью о «Поэтике в СССР», а вернее, — о трех ведущих представителях советской литературной науки: Ю. Лотмане, Б. Успенском и Д. Лихачеве. Все трое, полагает Ц. Тодоров, каждый по-своему, выступают как участники постформалистического движения, наметившегося в СССР в 60-е гг.

Снова, как в 20-е гг., перед советскими учеными встал вопрос о специфике литературы.²⁵ Что же касается «Поэтики древнерусской литературы», то, по мнению Ц. Тодорова, задача осложняется тем, что «литературы» как таковой в древнерусской культуре не было и древняя письменность по своему назначению отличалась от письменности нового времени. Ц. Тодоров отмечает также, что у Д. С. Лихачева стирается грань не только между литературными и нелитературными текстами, но и между разными видами ис-

¹⁹ Ibid P 238

²⁰ RES 1968 T 47 P 228

²¹ RES 1984 T 56/4 P 591

²² RES 1991 T 63/1 P 217—227

²³ Histoire de la littérature russe Paris 1992 T 1 P 373

²⁴ Vodoff W Naissance de la chretiente russe Paris 1988 P 328 et suiv

²⁵ Poétique 1972 N 9 P 105

куства, особенно между живописью и литературой. Однако в этом совмещении и таится, по мысли Ц. Тодорова, некоторая опасность размывания границ самого предмета, возможного исчезновения понятия «литературности».²⁶

В этой статье отмечается совпадение концепции «литературного этикета» с семиотическим представлением о литературе как о некоем «коде». Древнерусская литературная система базируется на ожиданиях, узнавании и повторении одних и тех же традиционных формул. Но, в отличие от литературной системы нового времени, ее «код» — надличностный. Она сводится к «обряду».

В концепции Д. С. Лихачева, замечает Ц. Тодоров, спор о древнерусском «реализме» освещается по-новому. Несмотря на существование обязательного «кода», в функционировании данной системы просматриваются зародыши будущего «реализма». Появляются они там, где старые каноны разрушаются под воздействием внелитературных факторов (необходимость зафиксировать какое-то из ряда вон выходящее событие), и в традиционное повествование вторгается другая форма — непосредственная запись. Новая формула «стихийный реализм» не упоминается в этой статье. Однако Ц. Тодоров излагает теорию Д. С. Лихачева, согласно которой суть реализма в том, что «способы изображения приближаются к изображаемому», и заключает, что «Д. С. Лихачев проявил новаторское отношение к тысячелетней проблематике реализма».²⁷

В этой статье особенно подчеркивается значение Д. С. Лихачева как одного из тех ученых, которые заложили «основы истории литературных структур».²⁸ Данная статья была написана в 1972 г. Итогом же его исследований в этом направлении явилась его следующая книга, «Развитие русской литературы XI—XVII веков». Статья Ц. Тодорова сопровождалась переводом (выполненным Клод Кан) главы «Поэтики древнерусской литературы», где идет речь о «литературном этикете».

Тем временем возрастал интерес к другой области деятельности Д. С. Лихачева — к его размышлениям над русским национальным характером. В 1981 и 1984 гг. его имя возникало на страницах литературно-политического журнала, издающегося у Галлимара, — «Le Débat» — в статьях известного французского слависта Жоржа Нива.

В эти годы на Западе начинает привлекать к себе все большее внимание возрождающееся славянофильство. В таком контексте высокая оценка Д. С. Лихачевым традиционных черт русского национального характера и достижений русской культуры могла показаться родственной неославянофильским настроениям.

Ж. Нива здесь доказывал, что точка зрения Д. С. Лихачева существенно отличается от позиций неославянофилов. Исходя из того, что в годы советской власти русская культура претерпела страшные потери (разрушения религиозных архитектурных памятников, гонения на авангардистские движения в области образительных искусств, преследования писателей...), он подчеркивал опасное положение, в которой оказалась эта культура, и прямо ставил «вопрос о ее возможной смерти».²⁹ Исторические бедствия XX в. сделали интеллигенцию Восточной Европы особенно чувствительной к этой опасности.

Но этот вопрос был тогда чужд французской публике. Идеологические схемы, преобладавшие во французском менталитете по отношению к Совет-

²⁶ Ibid P 106—107

²⁷ Ibid P 110

²⁸ Ibid P 114

²⁹ Nivat G D'une Russie l'autre // Le Débat 1981 № 12 (mai) P 35

скому Союзу, заслоняли специфические проблемы русской культуры. Между тем любое проявление национального чувства, даже та его разновидность, которая у Д. С. Лихачева называется «патриотизм», непременно расценивалось как «реакционное». К тому же в глубоко секуляризованном обществе, каким и является французское общество, «духовная жажда», вызванная крахом марксистской идеологии, оставляла образованную публику довольно равнодушной.

Как писал Ж. Нива, для французского читателя «СССР был частью идеологического [и политического] контекста, а Россия сама по себе почти исчезла из его сознания». Для углубленного восприятия России недоставало определенного «культурно-духовного посредничества» («une affectivité médiatrice»).³⁰ В этой статье были убедительно показаны и самобытность позиций Д. С. Лихачева, и роль, которую они могли сыграть в восстановлении понимания русской культуры, и препятствия, с которыми они должны были обязательно сталкиваться в французской интеллектуальной среде.

Беседа с Д. С. Лихачевым, опубликованная в широкотиражном еженедельнике «Le Nouvel Observateur», особенно показательна в этом отношении: само название статьи — «Интеллектуал третьего типа», верно найденное К. С. Каролем, сразу обращает внимание на то, что личность Д. С. Лихачева не укладывается в рамки традиционных французских представлений о России: издавна вовлеченный в процесс сохранения культурного наследия страны, часто вопреки советским властям, бывший каторжник, в сдержанном тоне поведавший о своем лагерном опыте, затем долгое время президент Советского фонда культуры, Д. С. Лихачев показывает, как явление, названное «перестройкой», уже давно готовилось в недрах народного сознания, вопреки всем и всяческим преследованиям свободной мысли. Себя он называет «человеком непредвиденным». ³¹ Один из вопросов, ему заданных, выдает, однако, некоторую традиционную предубежденность французской аудитории: «Неужели марксизм уже не имеет основополагающего значения для политического сознания советских людей? По вашим словам, молодые люди часто обращаются к вам с вопросом — в чем смысл жизни? Очевидно, перспективы коммунистического общества для них не совсем ясны...». ³² Этот вопрос обнаруживает, как далека еще французская образованная публика от понимания актуальных проблем русской духовной жизни и как много препятствий ей еще предстоит преодолеть для того, чтобы представить себе живое лицо России. Тем не менее эта статья предоставляла широкой публике возможность достаточно полного ознакомления с разнообразной деятельностью Д. С. Лихачева.

Таких возможностей оказывалось все больше за последние годы. Осенью 1986 г. литературный журнал «La quinzaine litteraire» опубликовал статью, посвященную его многогранной деятельности. ³³ В 1987 г. журнал «Les cahiers du monde russe et soviétique» поместил статью о русских истоках его теории культуры. ³⁴ В 1992 г. сборник статей под названием «Русский вопрос» включил статью «Д. С. Лихачев и вопрос о русском национализме». ³⁵ В 1987 г. журнал «Всемирное Слово» опубликовал перевод его предисловия к роману В. Пастернака «Доктор Живаго». ³⁶ Сборник статей, написанных

³⁰ Ibid P 37

³¹ Le Nouvel Observateur 1987 8—14 mai P 54

³² Ibid P 55

³³ Lesourd F Dmitri Likhatchov Une memoire retrouvée // La quinzaine litteraire 1986 Sept P 16—17

³⁴ Lesourd F Une expression nouvelle de l'idee nationale russe Dmitri Lihacev // Les cahiers du monde russe et soviétique 1987 1 28 (3—4) P 323—346

³⁵ Lesourd F Dmitri Likhatchov et le nationalisme russe // La question russe Paris, 1992

³⁶ Lettre Internationale 1987 N 15 Hiver 87

главными деятелями перестройки, выпущенный по-французски под заглавием «La seule issue», включает статью Д. С. Лихачева.³⁷

В 1988 г. франко-швейцарское издательство «L'Age d'Homme» опубликовало сборник избранных трудов Д. С. Лихачева «Poétique historique de la littérature russe». ³⁸ Новаторские представления о целостности русской культуры, о взаимоотношениях русской и западной культур должны были привлечь к себе внимание французских читателей, в особенности медиевистов. Однако, несмотря на то что книга прочно вошла в основной фонд крупнейших парижских книжных магазинов, все же следует констатировать, что ожидаемая встреча Д. С. Лихачева с его предполагаемой французской аудиторией не вполне состоялась. Настоящий успех может прийти к этой книге лишь после более глубокого ознакомления французского читателя с древнерусской литературой и русской культуроведческой наукой. Во Франции мало переводов древнерусских литературных памятников, и совсем нет переводов трудов А. Н. Веселовского, Л. П. Карсавина, Н. Анциферова...

Впрочем, существует одна недавняя публикация во Франции, где вклад Д. С. Лихачева в науку получил должное отражение: это монументальная «История русской литературы», которая уже упоминалась нами. Там ему посвящено подробное исследование И. З. Сермана, охватывающее разные стороны его культурной деятельности, где он провозглашается «первооткрывателем» древнерусской литературы.³⁹ Самому Д. С. Лихачеву принадлежит глава о древнерусском искусстве: в ней суммируются его главные концепции в этой области от «синтеза искусств» в Древней Руси вплоть до петровского барокко.⁴⁰

Фактически нет ни одной главы (включая введение) в первом томе (X—XVIII вв.) этой «Истории русской литературы», которая многократно не ссылалась бы на издания Д. С. Лихачевым древнерусских литературных памятников (русские летописи, переложение «Слова о полку Игореве», «Повесть о Николe Зарайском»...), на основные его труды (чаще всего встречаются названия книг «Человек в литературе Древней Руси», «Смеховой мир Древней Руси», «Текстология», «Поэтика древнерусской литературы»...), на ключевые понятия, им выработанные, — «жанры-вассальи» и «жанры-сюзерены» в жанровой системе древнерусской литературы, значение «этикета» в культуре Киевской Руси, коренной пересмотр значения XVII в. в истории русской культуры, наличие «временной перспектив» в «Житии» протопопа Аввакума...⁴¹ Основным его культурным обобщением (стилю исторического монументализма, древнерусским представлениям о человеке, отношениям между письменностью и изобразительным искусством, «безмолвию» древнерусского искусства, месту и значению устного словесного творчества...) посвящена значительная часть наблюдений В. Водова в главе под названием «Историографический обзор исследований по русскому средневековью».⁴²

Все вышесказанное свидетельствует о постоянном присутствии трудов Д. С. Лихачева во французской славистике, а порой и за ее пределами, с 1936 г. по настоящее время.

Известные препятствия, с которыми продолжает сталкиваться их рецепция у широкой публики, связаны с тем, что восприятие России уже давно затруднено для большей части французского общественного мнения: период «застоя» нанес чувствительный ущерб образу России, но после него в связи с перестройкой исчезли политические шаблоны и идеологические схемы,

³⁷ La seule issue Paris, 1989

³⁸ Poétique historique de la littérature russe Lausanne, Paris, 1988

³⁹ Histoire de la littérature russe 1e Xxe s T 3 P 605—614

⁴⁰ Des origines au XVIIIe s // Ibid P 583—601

⁴¹ Histoire de la littérature russe T 1 P 42 308 293

⁴² Ibid P 693—725

иногда отрицательные, но все же помогавшие ориентироваться (пусть и обманчиво) в русской жизни. Они, пожалуй, пока ничем не заменены.

Между тем русская музыка, русский театр, литература, русское искусство XX в. по-прежнему занимают очень большое место в культурной жизни Франции. Но тем не менее Россия сама по себе неизмеримо удалась. Живая сегодняшняя Россия становится почти «белым пятном» для французского сознания.

Эти обстоятельства затрудняют доступ широкого круга читателей к культурной деятельности Д. С. Лихачева, тогда как именно она, доказывая непрерывность и самобытность русской культуры вместе с ее непререкаемой принадлежностью к Европе, и должна была бы восстановить в глазах французской публики «необщее выражение» этой культуры.